

Гусиное горлышко

Виктор Драгунский

Когда мы сели обедать, я сказал:

- А я сегодня в гости пойду. К Мишке. На день рождения.

- Ну да? - сказал папа. - Сколько же ему стукнуло?

- Восемь, - ответил я. - Ему восемь лет, папа, стукнуло. Теперь девятый год пошел.

- Как бежит время, - вздохнула мама. - Давно ли он лежал на подоконнике в ящике от комода, а вот пожалуйста, уже восемь лет!

- Ну что ж, - разрешил папа, - сходи, поздравь юбиляра. Ну-ка, расскажи, а что ты подаришь своему дружку в этот памятный день?

- Есть подарочек, - сказал я, - Мишка, будь здоров, обрадуется...

- Что же именно? - спросила мама.

- Гусиное горло! - сказал я. - Сегодня Вера Сергеевна гуся потрошила, и я у нее выпросил гусиное горло, чтобы Мишке подарить.

- Покажи, - сказал папа.

Я вытащил из кармана гусиное горло. Оно было уже вымытое, очищенное, прямо загляденье, но оно было еще сыроватое, недосушенное, и мама вскочила и закричала:

- Убери сейчас же эту мерзость! Ужас!

А папа сказал:

- А зачем оно нужно? И почему оно скользкое?

- Оно еще сырое. А я его высушу как следует и сверну в колечко. Видишь? Вот так.

Я показал папе. Он смотрел внимательно.

– Видишь? – говорил я. – Узкую горловину я всуну в широкую, брошу туда горошинок штук пять, оно когда высохнет, знаешь как будет греметь! Первый сорт!

Папа улыбнулся:

– Ничего себе подарочек... Ну-ну!

А я сказал:

– Не беспокойся. Мишке оно понравится. Я его знаю.

Но папа встал и подошел к вешалке. Он там порылся и карманах.

– На-ка, – он протянул мне монетки, – вот тебе немного денег. Купи Мишке конфет. А это от меня добавка. – И папа отвинтил от своего пиджака чудесный голубой значок «Спутник».

Я сказал:

– Ура! Мишка будет на седьмом небе. У него теперь от меня целых три подарка. Значок, конфеты и гусяное горло. Это всякий бы обрадовался!

Я взял гусяное горло и положил его на батарею досушиваться. Мама сказала:

– Вымой руки и ешь!

И мы стали дальше обедать, и я ел рассольник и потихоньку стонал от удовольствия. И вдруг мама положила ложку и сказала ни с того ни с сего:

– Прямо не знаю, пускать его в гости или нет?

Вот тебе раз! Гром среди ясного неба! Я сказал:

– А почему?

И папа тоже:

– В чем дело-то?

– Он нас там опозорит. Он совершенно не умеет есть. Стонет, хлебает, везет... Кошмар!

– Ничего, – сказал я. – Мишка тоже стонет, еще лучше меня.

- Это не оправдание, - нахмурился папа. - Нужно есть прилично. Мало тебя учили?

- Значит, мало, - сказала мама.

- Ничему не учили, - сказал я. - Я ем как бог на душу положит. И ничего. Довольно здорово получается. А чему тут учить-то?

- Нужно знать правила, - сказал папа строго. - Ты знаешь? Нет. А вот они: когда ешь, не чавкай, не причмокивай, не дуй на еду, не стони от удовольствия и вообще не издавай никаких звуков при еде.

- А я не издаю! Что, издаю, что ли?

- И никогда не ешь перед обедом хлеб с горчицей! - воскликнула мама.

Папа ужасно покраснел. Еще бы! Он недавно съел перед обедом, наверное, целое кило хлеба с горчицей. Когда мама принесла суп, оказалось, что у нее уже нет хлеба, папа весь съел, и мне пришлось бежать в булочную за новым. Вот он теперь и покраснел, но промолчал. А мама продолжала на него смотреть и все говорила беспощадным голосом. Она говорила как будто бы мне, но папе от этого было не по себе. И мне тоже. Мама столько наговорила, что я просто ужаснулся. Как же теперь жить? Того нельзя, этого нельзя!

- Не роняй вилку на пол, - говорила мама. - А если уронил, сиди спокойно, не становись на четвереньки, не ныряй под стол и не ползай там полчаса. Не барабань пальцами по столу, не свисти, не пой! Не хохочи за столом! Не ешь рыбу ножом, тем более, если ты в гостях.

- А это вовсе не рыба была, - сказал папа, и лицо у него стало какое-то виноватое, - это были обыкновенные голубцы.

- Тем более. - Мама была неумолима. - Еще чего придумали, голубцы - ножом! Ни голубцы, ни яичницу не едят ножом! Это закон!

Я ужасно удивился:

- А как же голубцы есть без ножа?

Мама сказала:

- А так же, как и котлеты. Вилочкой, и все.

- Так ведь останется же на тарелке! Как быть?

Мама сказала:

- Ну и пусть останется!

- Так ведь жалко же! - взмолился я. - Я, может быть, еще не наелся, а тут осталось... Нужно доесть!

Папа сказал:

- Ну, доедай, чего там!

Я сказал:

- Вот спасибо.

Потом я вспомнил еще одну важную вещь:

- А подливу?

Мама обернулась ко мне.

- Что подливу? - спросила она.

- Вылизать... - сказал я.

У мамы брови подскочили до самой прически. Она стукнула пальцем по столу:

- Не смей вылизывать!

Я понял, что надо спастись.

- Что ты, мама? Я знаю, что вылизывать языком нельзя! Что я, собачонка, что ли! Я, мама, вылизывать никогда не буду, особенно при ком-нибудь. Я тебя спрашиваю: а вымазать? Хлебом?

- Нельзя! - сказала мама.

- Так я же не пальцем! Я хлебом! Мякишем!

- Отвяжись, - крикнула мама, - тебе говорят!

И у нее сделались зеленые глаза. Как крыжовник. И я подумал: ну ее, эту подливку, не буду я ее ни вылизывать, ни вымазывать, если мама из-за этого так расстраивается. Я сказал:

- Ну ладно, мама. Я не буду. Пусть пропадает.

- А вот, кстати, - сказал папа, я серьезно хочу тебя спросить...

- Спрашивай, - сказала мама, - ты ведь еще хуже маленького.

- Нет, верно, - продолжал папа, - у нас, знаешь, иногда банкеты бывают, всякие там торжества... Так вот: ничего, если я иногда захвачу что-нибудь с собой? Ну, яблочко там или апельсин...

- Не сходи с ума! - сказала мама.

- Да почему же? - спросил папа.

- А потому, что сегодня ты унес яблоко с собою, а завтра начнешь винегрет в боковой карман запихивать!

- Да, - сказал папа и поглядел в потолок, - да, некоторые очень хорошо знают правила хорошего тона! Прямо профессора! Куда там!.. А как ты думаешь, Дениска, - папа взял меня за плечо и повернул к себе, - как ты думаешь, - он даже повысил голос, - если у тебя собрались гости и вдруг один надумал уходить... Как ты думаешь, должна хозяйка дома провожать его до дверей и стоять с ним в коридоре чуть не двадцать минут?

Я не знал, что ответить папе. Его это, видимо, очень интересовало, потому что он крепко сжал мое плечо, даже больно стало. Но я не знал, что ему ответить. А мама, наверно, знала, потому что она сказала:

- Если я его проводила, значит, так было нужно. Чем больше внимания гостям, тем, безусловно, лучше.

Тут папа вдруг рассмеялся. Как из песни про блоху:

- Ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! А я думаю, что он не умрет, если она не проводит его! Ха-ха-ха-ха-ха!

Папа вдруг взъерошил волосы и стал ходить туда-сюда по комнате, как лев

по клетке. И глаза у него все время вращались. Теперь он смеялся с каким-то рывком: «Ха-ха! Ррр! Ха-ха! Рр!» Глядя на него, я тоже расхохотался:

- Конечно, не умрет! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Тут случилось чудо. Мама встала, взяла со стола чашку, вышла на серединку комнаты и аккуратно бросила эту чашку об пол. Чашка разлетелась на тысячу кусочков. Я сказал:

- Ты что, мама? Ты это зачем?

А папа сказал:

- Ничего, ничего. Это к счастью! Ну, давай, Дениска, собирайся. Иди к Мишке, а то опоздаешь! Иди и не ешь рыбу ножом, не позорь фамилию!

Я собрал свои подарки и пошел к Мишке. И мы там веселились вовсю. Мы подскакивали на диване чуть не до потолка. Мишка даже стал лиловый от этого подскакивания. А фамилию нашу я не опозорил, потому что угощение было не обед или ужин, а лимонад и конфеты. Мы поели все конфеты, какие были, и даже ту коробочку съели, что я Мишке принес в подарок. А вообще подарков Мишке понесли видимо-невидимо: и поезд, и книжки, и краски. И Мишкина мама сказала:

- Ох, сколько подарков у тебя, Мишук! А тебе какой больше всех нравится?

- Какой может быть разговор? Конечно, гусиное горло!

И покраснел от удовольствия.

А я так и знал.